

ПАМЯТНИКЪ

ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССИИ,

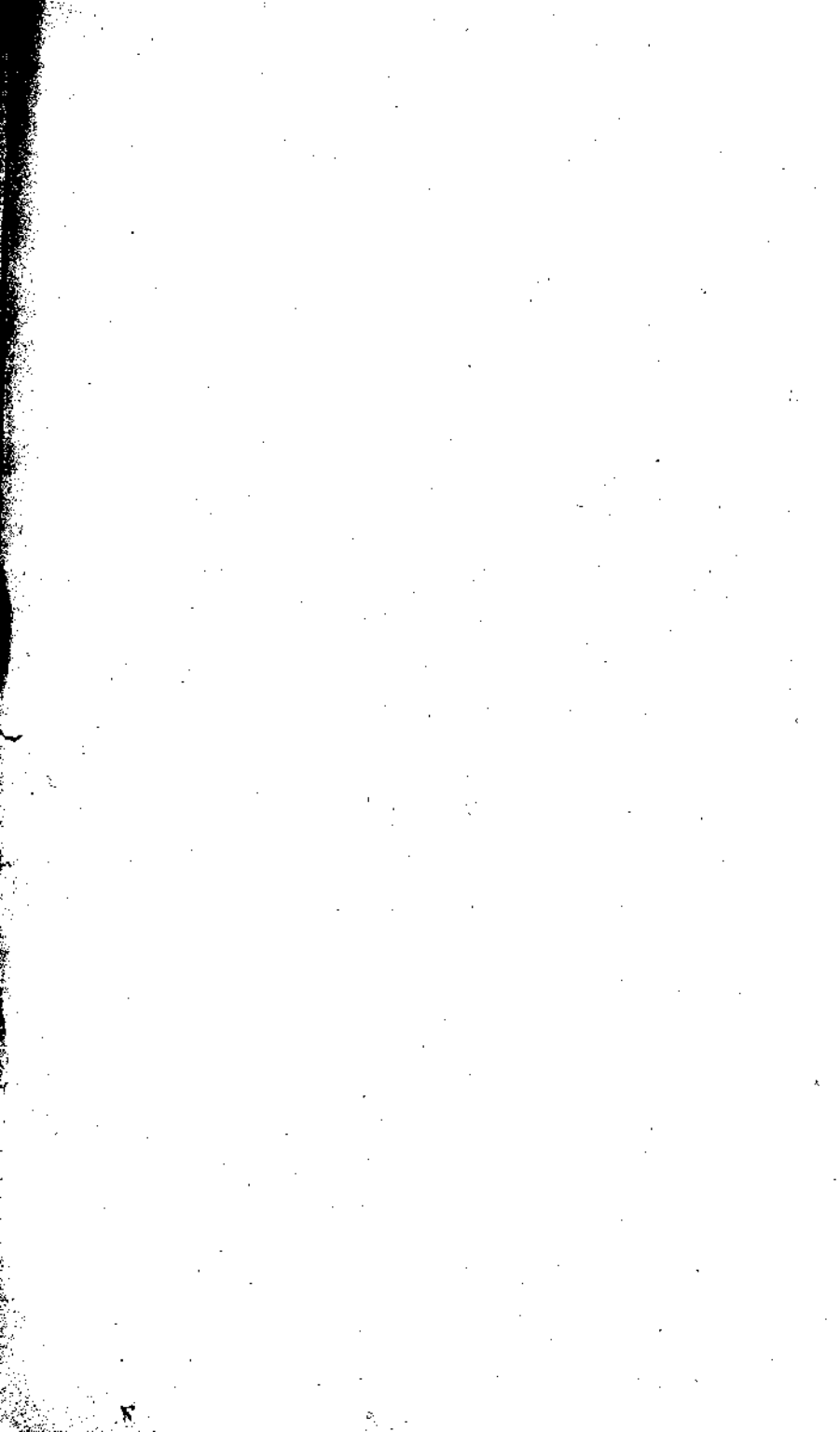
ОТКРЫТЫЙ ВЪ НОВЪГОРОДѢ

8 Сентября 1862 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ПАМЯТНИКЪ
ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССИИ,

ОТКРЫТЫЙ ВЪ НОВЪГОРОДѢ

8 Сентября 1862 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 19 Ноября 1862 года.

Книжная торговля
В. Ключкова.
Спб. Литейн. 55.

Въ типографіи В. Спирядонова и К^о.

ПАМЯТНИКЪ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССИИ.

На долю русскаго общества настоящаго поколѣнія выпало завидное счастье отпраздновать тысячелѣтнее существованіе общаго отечества — Россіи. Другіе народы Европы (кромѣ Баваріи), или переживъ подобную эпоху въ такіе вѣка, когда и мысль о памятникахъ для будущихъ племенъ не занимала человѣчество, или не доживъ до истеченія какой-либо крупной цифры самостоятельной жизни государственной, не могли увѣковѣчить ее памятникомъ. Мы дожили и — увѣковѣчили матеріальнымъ памятникомъ истекшій тысячелѣтній періодъ нашей исторіи. — Фактъ совершился и мы, вслѣдъ за другими, рѣшаемся теперь описывать памятникъ. При этомъ должны объяснить, что неимѣемъ въ виду писать

исторію идеи, сложившейся и нашедшей исходъ въ исполненіи памятника, и не думаемъ, по поводу помѣщенія замѣчательныхъ лицъ, въ общее назиданіе рассказывать, всѣмъ извѣстныя и уже въ двухъ книжкахъ повторенныя, біографіи дѣятелей по разнымъ отраслямъ. Наконецъ, не считаемъ себя въ состояніи и дать читателямъ систематическаго собранія документовъ о ходѣ дѣла постройки памятника или самаго вопроса о немъ. Словомъ, хотимъ, не ограничиваясь ни одною изъ приведенныхъ сторонъ представленія идеи памятника и исполненія его, дать только читателямъ, можетъ быть, поверхностное, не подробное, тѣмъ не менѣе полное описаніе; по возможности, свободное и отъ ошибокъ, вкрапившихся въ другія брошюры, изданныя по настоящему случаю. Постараемся также вести послѣдовательно безъ перерывовъ нить описанія, при возможной краткости. Вотъ наша задача. Насколько она выполнена пусть судятъ читатели.

Первое свидѣтельство лѣтописца о государственной жизни русскихъ племенъ относится къ славянамъ новгородскимъ—обитателямъ береговъ озера Ильменя и р. Волхова. Тамъ положено и поставить памятникъ тысячелѣтія Россіи. Призваніе варяжскихъ князей въ Новгородъ и дало первую идею для самаго енамятника. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ 1857 г., поднялъ вопросъ о сооруженіи въ Новгородѣ памятника *первому русскому государю*—Рюрику, дѣлавше-

муся такимъ образомъ представителемъ въ одномъ лицѣ цѣлыхъ тысячи лѣтъ, прожитыхъ отъ него до насъ Россію.

Такая идея, конечно, при обсужденіи встрѣтила замѣчанія очень основательныя, именно, что если дѣло идетъ объ увѣковѣченіи жизни государственной цѣлаго отечества, то эта самая жизнь должна выразиться не начальною чертою только, но вполнѣ, въ главныхъ общихъ чертахъ, которыя бы говорили народу о славномъ прошломъ родины, приводя постоянно на память заслуги великихъ представителей русской державы.

Мысль каждаго памятника говорить о прошломъ, прожитомъ и замѣчательномъ, чтобы побудить къ похвальнымъ подвигамъ на пользу общества, каждаго его члена. Другой цѣли, впрочемъ, и быть не можетъ тутъ кромѣ назиданія общаго и воспитанія въ большинствѣ человѣчнаго пониманія обязанностей, прежде всего къ обществу, потомъ къ сочленамъ и собратамъ по отечеству. Идея о общегосударственномъ значеніи памятника вытекаетъ сама собою, а изъ нея уже, какъ непремѣнное слѣдствіе, родится живая мысль о выраженіи сказаннаго смысла просто и понятно для всѣхъ и каждаго, что должно сдѣлать памятникъ *народнымъ*.

Объ эти перазрывныя идеи и приняты въ основаніе при высшемъ административномъ обсужденіи сооруженія памятника по случаю тысячелѣтія.

Пять лѣтъ (съ 1857 по 1862 г.), остававшіяся до совершенія тысячелѣтія событію 862 года, по счету лѣтописи, извѣстной подъ именемъ «*Несторовой*», срокъ непродолжительный для изготовленія достойнаго представленія тысячелѣтія, потому приняты тогда же мѣры, которыя должны были вести живо къ цѣли. Такъ какъ положено соорудить памятникъ *народный*, то естественнѣе всего и долженъ онъ былъ создаться на общія, посильныя приношенія всего народа. Потому предоставлено было министерству внутреннихъ дѣлъ свестись съ начальниками губерній и всѣми вѣдомствами, объ открытіи повсемѣстной подписки на пожертвованія для памятника. Количество пожертвованій въ полуторагодинный срокъ (до 1859 г.), какъ полагали, уже могло показать размѣръ, съ которымъ слѣдовало соображаться при будущемъ проектѣ памятника; но по обширности государства къ этому сроку сборъ по подпискѣ поступилъ не отовсюду и итогъ пожертвованій (*) оказалъ недостаточнымъ для покрытія расходовъ на самый скромный памятникъ. Была надежда, конечно, что количество сбора превзойдетъ сто тысячъ рублей; но могло потребоваться для исполненія сооруженія, которое бы достигло цѣли, никакъ не менѣе полумилліона рублей, потому въ 1859 же году испрошенъ отпускъ

(*) 72,507 руб. 71¹/₄ коп.

еще 400,000 руб. сер. изъ государственнаго казначейства, въ теченіе 1860 и 1861 годовъ, на расходы по сооруженію памятника тысячелѣтія.

Основываясь на примѣрномъ размѣрѣ издержекъ, главноуправляющій путями сообщенія, которому предоставлено было положеніемъ комитета министровъ (1 мая 1857 г.) сооруженіе памятника, распорядился объявленіемъ во всеобщее извѣстіе конкурса между всѣми художниками русскими и пребывающими въ Россіи иностранцами на составленіе проекта памятника тысячелѣтія. Срокъ представленія конкурсныхъ проектовъ назначенъ шестимѣсячный (считая съ 1 мая 1859 г.). Назначена въ 4000 руб. первая премія составителю проекта, который выбранъ будетъ для исполненія памятника и въ 1000 руб. для втораго по достоинству проекта.

Художникамъ предлагалось выразить въ памятникѣ идею православія русскаго народа, какъ вѣнецъ его государственной жизни, главные фазы которой опредѣлялись эпохами основанія государства (Рюрикъ), принятія вѣры христіанской (Владиміръ), сверженія татарскаго ига (Димитрій Донской), московскаго единодержавія (Іоаннъ III), возстановленія государственной безопасности избраніемъ на царство дома Романовыхъ (Михаилъ Ѳед.) и преобразованія древняго быта (Петръ I).

Впрочемъ, составителямъ проектовъ предоставлялось

и не слѣдовать строго данной программѣ, съ непремѣннымъ условіемъ только выразить въ памятникѣ ходъ развитія государственной жизни Россіи.

Къ сроку представлено было 52 проекта, для опредѣленія достоинства которыхъ въ конференцію Академіи Художествъ командированы съ правомъ голоса инженеры и архитекторы отъ главнаго управленія путей сообщенія. Рѣшеніемъ этого комитета специалистовъ, три проекта: гг. Микѣшина, Горностаева и Антипова признаны наиболѣе удовлетворяющими условіямъ программы конкурса и изъ нихъ первенство отдано проекту художника Микѣшина, представившему даже модель, не только рисунокъ.

Проектъ Микѣшина (№ 51) состоялъ изъ громаднаго шара, представлявшаго въ совокупности съ группою «Православія», подъ нимъ, — «Россійскую державу, обставленную по подножію шестью группами представителей главнѣйшихъ эпохъ государственной жизни Россіи (*), согласно программѣ конкурса. Всѣ прочіе проекты, представленные въ чертежахъ, представляли идею памятника вполнѣ по мысли составителя и съ пьедесталомъ; Микѣшина модель ограничивалась только приведенными группами, слѣдовательно требовала для составленія вѣрнаго понятія

(*) Каковы Рюрикъ, Владиміръ, Дмитрій Довской, Іоаннъ III, Михаилъ Романовъ и Петръ I.

о цѣломъ сооруженіи, недостающей, нижней части его. По требованію судей конкурса художникъ представилъ на слѣдующее засѣданіе комитета (9 декабря) проектъ свой и съ пьедесталомъ, на шести сторонахъ котораго предполагалось помѣстить въ барельефахъ самые видные эпизоды эпохъ. Барельефы связывались одинъ съ другимъ пышнымъ орнаментомъ, составлявшимъ вокругъ всего памятника сплошной поясъ украшеній. Первое, на что обратили вниманіе при вторичномъ обсужденіи проекта Микѣшина съ пьедесталомъ, была дороговизна послѣдняго, значительно возвышавшая общую стоимость сооруженія. Къ тому же, пьедесталъ оказывался по высотѣ несоответственнымъ общимъ размѣрамъ памятника и могъ привлекать вниманіе зрителя прежде всего на роскошь своихъ украшеній, а потомъ уже на главныя группы, много терявшія отъ удаленія, и, получавшія, такъ сказать, значеніе какъ бы второстепенное относительно пьедестала.

Пригласивъ въ собраніе комитета М. О. Микѣшина, ему лично объявили о необходимости, въ случаѣ принятія его проекта, измѣненій въ немъ для устраненія приведенныхъ несообразностей и, затѣмъ, находя проектъ № 51 болѣе прочихъ удовлетворяющимъ условіямъ конкурса, окончательно выбрали его.

Тогда же, какъ и въ первое засѣданіе комитета, послѣ проекта Микѣшина слѣдовавшими, при-

знаны композиціи архитекторовъ Горностаева и Антипова.

Проектъ перваго, подъ № 42, представлялъ, фигуру съ атрибутами русскаго народа держащую хоругвь съ крестомъ, стоящую на полушарѣ, помѣщенномъ на шестистороннемъ подножіи. Фигура представляла нашу народность, выдержавшую въ теченіе тысячелѣтнаго періода государственной жизни тяжкую борьбу за самобытность. Полушаріе наглядно представляло обширность имперіи русской, разширившейся чуть не на полміра на востокъ и на западъ. На граняхъ подножія должны были въ самыхъ характеристическихъ чертахъ изобразиться требуемая эпохи исторіи нашей.

За проектомъ Горностаева слѣдовалъ проектъ подъ № 34 и подъ девизомъ: «исполнивъ повелѣніе государя моего, я исполнилъ долгъ мой», сочиненный, какъ оказалось, г. Антиповымъ. Онъ представлялъ также полукругъ, въ центрѣ котораго на пьедесталѣ поставлена колоссальная статуя Россіи.

Несмотря на то, что въ проектѣ г. Антипова члены комитета видѣли повтореніе идеи извѣстной статуи «Баварія», композицію эту признали равною по достоинству съ проектомъ Горностаева, за котораго подано однимъ голосомъ впрочемъ болѣе (*)

(*) За Микѣшина 17 голосовъ, за Горностаева 11 и за Антипова 10.

и противъ котораго только было возраженіе о меньшей степени удобоповѣстности для народа аллегорической фигуры, что, конечно, равно относилось, къ обоимъ проектамъ (его и Антипова). Сравнивъ проектъ Горностаева съ Антиповымъ, рѣшили вторую премію въ 1000 р. раздѣлить поровну между обоими составителями проектовъ, присудивъ выдачу первой преміи въ 4000 р. исполнѣ художнику Микѣшину.

Такъ закончился конкурсъ, и составитель проекта, удостоеннаго первой преміи, занялся улучшеніемъ своей композиціи въ деталяхъ и пьедесталѣ. Пьедесталь, съ уменьшеніемъ орнаментовъ, получилъ упрощенную форму, пропорціямъ которой профессоръ Боссе, по порученію главно-управляющаго путями сообщенія, придалъ окончательную точность и гармонію. Въ такомъ видѣ пьедесталь и исполненъ въ натурѣ изъ гранита и бронзы. Высота всѣхъ составныхъ частей его: цоколя, базы, фриза (*), карниза и подножія группъ составляетъ три сажени, при діаметрѣ въ 4 сажени и 2 аршина.

Барельефы эпохъ на фризѣ пьедестала, при упрощеніи проекта сперва положено было замѣнить цитами съ надписями (**); въ послѣдствіи же государь импе-

(*) Состоящаго изъ одного сплошнаго барельефа.

(**) Барельефы были даже заказаны профессору барону П. К. Клодту.

раторъ повелѣлъ, вмѣсто тѣхъ и другихъ, сдѣлать одинъ сплошной барельефъ, съ изображеніемъ замѣчательныхъ людей русской земли, проявившихъ полезную дѣятельность во всѣхъ сферахъ общества. Рисунокъ этой живой лѣтописи, гдѣ событія представлены въ лицѣ дѣятелей, если принять въ расчетъ поспѣшность исполненія сочиненъ, очень удачно художникомъ Мигѣшинымъ, воспользовавшимся добросовѣстно портретами и выдержавшимъ, гдѣ можно, вѣрность костюма. Какъ рисовальщикъ - композиторъ Мигѣшинъ въ расположеніи здѣсь группами болѣе ста фигуръ на всемъ протяженіи длиннаго пояса вокругъ памятника, не повторивъ двухъ разъ одной позы, оборота и положенія, выказалъ столько же таланта сколько и вкуса, не говоря о картинности группъ вообще и прекрасныхъ планахъ ихъ въ особенности. Можно смѣло сказать, нисколько не льстя художнику, что этою главною въ памятникѣ по важности значенія, композиціею, онъ съ излишкомъ выкунаетъ промахи и несовершенства другихъ группъ, неразлучныя со всякимъ самостоятельнымъ трудомъ, особенно молодого художника, до композиціи скульптурнаго проекта посвящавшаго свою дѣятельность одной живописи.

Опишемъ теперь въ подробности памятникъ по частямъ и заключимъ наше описаніе извѣстіемъ о

ходѣ строительныхъ работъ, общей стоимости сооруженія и торжественномъ открытіи памятника.

Познакомивъ въ общихъ чертахъ съ условіями требованными конкурсомъ, и исполненіемъ ихъ со стороны составителя проекта, избраннаго для выполненія памятника, персїдемъ въ ближайшему разбору его по частямъ, начавъ конечно сверху и доведя до низу, чтобы оттуда вести читателей въ кругъ техническо-строительныхъ подробностей.

Мы уже сказали, что всю композицію вѣнчаетъ знаменіе спасенія—крестъ. Его держитъ ангелъ, свыше слетѣвшій къ склоненной на болѣни на вершинѣ державы и погруженной въ молитвенное размышленіе — Россіи. Идея нашего отечества воплощена въ видѣ царственной жены, держащей круглый щитъ съ изображеніемъ двуглаваго орла. Ангелъ, благословляющій Россію движеніемъ своимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы указываетъ ей на упроченное впереди благосостояніе подъ хранительнымъ кровомъ православной вѣры. Вся поверхность державы составлена изъ повтореній фигуры креста и крестообразно же перепоясана она двумя полосами. На горизонтальной надписи: «Совершившемуся тысячелѣтію Россійскаго государства въ благополучное царствованіе Императора Александра II, лѣта 1862».

Считаемъ нужнымъ оговориться. Памятникъ—круглый, потому рядъ группъ, окружающихъ державу,

можно начать произвольно. Прямо противъ Софійскаго собора, слѣдовательно съ главнаго пункта памятника, приходится группа Петра I, подъ которою на барельефѣ — патріотка Марфа Посадница въ тяжеломъ увыніи надъ разбитымъ вечевымъ колоколомъ, окруженная воеводами Іоанна III (кн. Холмскимъ, Воротынскимъ, и Щенею) — съ одной стороны, а съ другой подлѣ героя Скопина-Шуйскаго и Ермака. Мы позволимъ себѣ начать обзоръ группъ *представителей*, слѣдуя историческому ходу событій—съ Рюрика.

Избранникъ новгородскихъ гражданъ — «княжити и володѣти» ими, изображенъ въ полномъ вооруженіи варяжскаго витязя, положивъ правую руку на продолговатый остроугольный щитъ, на которомъ вырѣзано число 862. Въ лѣвой рукѣ князь Рюрикъ держитъ мечъ, бывшій неразлучнымъ спутникомъ боевой жизни варяга. Исполнитель модели—академикъ Михайловъ успѣлъ лицу вонтеля придать величіе и мужество, которое вначалѣ разбиратели проектовъ находили мало выразительнымъ и требовали сообщенія именно этой фигурѣ болѣе воинственности. Полѣвую сторону князя стоитъ безобразный кумиръ Перуна, изображеніе котораго, уже низверженное, съ другой стороны, принадлежитъ къ группѣ Владиміра. «Равноапостольный» повелѣваетъ склоненной фигурѣ славянина, уже старца, разбить это несовершенное лъваніе, — предметъ

его собственнаго, такъ недавно еще, горячаго почитанія, требовавшій кровавыхъ жертвъ человѣческихъ.

Принятіе Русью вѣры Спасителя выражаетъ Владиміръ поднятіемъ высоко креста въ правой рукѣ своей. Готовность Руси внимать божественнымъ глаголамъ Евангелія изображена фигуροю молодой матери, несущей крестить дитя свое.

Съ теченіемъ времени, не смотря на несчастія, грозившія извнѣ отечеству, и внутреннія смуты, лишавшія князей единодушія, необходимаго въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково низложеніе поноснаго ига монголовъ, одна сила вѣры въ могучую защиту промысла подкрѣпила героя куликовскаго. На памятникѣ изображенъ онъ направо отъ Рюрика (*), уже наступившимъ на низложеннаго татарина, съ шестоперомъ въ правой и бунчукомъ, увѣнчаннымъ луною, въ лѣвой рукѣ. Въ позѣ его дышетъ отвага и мужественная увѣренность въ побѣдѣ, такъ мало казавшейся вѣроятною. За Донскимъ витяземъ долженъ слѣдовать мудрый сынъ Василя Темнаго, «собиратель земли Русской» — Іоаннъ III. На памятникѣ, впрочемъ, аксессуарныя фигуры въ умѣ зрителя сливаются его великую личность съ образомъ счастливаго его внука, получившаго отъ подданныхъ титуло «Грознаго», но скорѣе не въ смыслъ грозы враговъ русскаго имени. Сраженный рыцарь Тевтон-

(*) Если смотрѣть отъ зданія присутственныхъ мѣстъ.

скаго ордена, хотя на щитѣ его и есть годъ 1482, шелъ бы болѣе къ Іоанну IV, нанесшему смертельный ударъ прекрасной Ливоніи. Смирѣнный монголъ приемъ, какъ покорителѣ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, такъ же умѣстенъ, какъ и при лицѣ Іоанна III, свергнувшаго окончательно иго орды, тяготѣвшее надъ Россіею. Такая неопредѣлительность или, лучше сказать, двойственность значенія группы Іоанна, конечно, оказывается еще болѣе несостоятельною въ выраженіи собою идеи московскаго единогодержавія. По нашему мнѣнію, это слабѣйшая часть композиціи памятника, въ прочихъ частяхъ удовлетворительной въ смыслѣ и выраженіи общей идеи изображеній, особенно въ двухъ послѣднихъ эпохахъ—возстановленіи единогодержавія и возведеніи Россіи въ имперію.

Представитель первой изъ этихъ двухъ эпохъ — юный Михаилъ Романовъ, помѣщенъ между Владиміромъ равноапостольнымъ и Петромъ I. Родоначальникъ царствующей династіи принять уже державу, готовъ взять и корону, подносимую выборнымъ изъ народа, но, сознавая величіе царскаго подвига, въ эту торжественную минуту, молитъ Подателя благъ даровать ему мудрость и силу, необходимыя государю.

Мечъ Пожарскаго, спасшій жизнь отечеству, служитъ вѣрною порукою царю за безопасность державы: внутреннюю и внѣшнюю.

Петромъ I заключается метаморфоза государственной жизни Россіи и представителя эпохъ ея на памятникѣ. Преобразователю данъ любимый имъ нѣмецкій костюмъ и поднятый скипетръ въ правую руку для обозначенія главнѣйшей дѣятельности его—государственно-правительственной. Другая рука на груди, въ знакъ искренности, и движеніе вперёдъ, сообщенное всей фигурѣ, лучше словъ выражаютъ убѣжденіе въ необходимости ускореннаго хода по пути цивилизаціи, указываемому юнымъ геніемъ дѣйствія. Жестомъ протянутой кисти проводникъ Петра къ безсмертію направляетъ путь его и Россіи—прямо и рѣшительно, краткою стезею, вѣрно ведущею къ цѣли. Дружеское водительство генія выражается и самымъ положеніемъ на плечо перваго императора руки его вѣщаго спутника. Вспреди его вращаетъ взоръ безсильной ярости на геніальнаго соперника, униженный шведъ, стоя на коѣнкахъ и держа изорванное знамя.

Каждая изъ фигуръ—этихъ шести группъ и верхней—вышиною по 5 аршинъ. Для отливки изъ бронзы, модели ихъ исполнялись съ эскиза въ глину въ $\frac{1}{3}$ натуральной величины самого Минѣшина, кромѣ его же съ художникомъ Шредеромъ п, какъ мы сказали выше (при описаніи группы Рюрика), академика Михайлова, еще академикомъ Залеманомъ, произведшимъ группы: «св. Владиміра», «Димитрія Донскаго» и «царя Михаила Ѳеодоровича Романова» (всего 8 фи-

гуръ) (*). Микѣшинъ съ Шредеромъ исполнили прочія 10 лицъ въ группахъ: «Православія» (2 ф.), Единодержавія (5 фигуръ) и Петра I (3 фиг.) Фигура шведа (въ послѣдней группѣ), съ выраженіемъ благородной гордости побѣжденнаго воителя, но не упавшаго духомъ въ несчастіи — лучше всего исполненнаго г. Шредеромъ, выказавшимъ въ трудахъ по памятнику талантъ разнообразный, по самому размѣру его нуждающійся въ основательномъ изученіи искусства. За модель въ настоящую колоссальную величину каждой фигуры художники, какъ мы слышали, получили по 4,000 руб.

Гранитное подножіе этихъ группъ одѣто бронзою, идетъ внизъ на 3¹/₄ аршина до гранитнаго гарнiza, въ 14 вершковъ вышины, выступающаго подъ барельефомъ.

Барельефъ, вышиною въ 2 аршина 2 вер., заключаетъ изображенія 106 личностей въ отдѣлахъ: 1) Просвѣтителей народа (въ двойственномъ смыслѣ, проповѣдниковъ евангелія и распространителей книжнаго знанія), людей государственныхъ, людей военныхъ и писателей съ художниками. Надъ исполненіемъ моделей, предоставленнымъ автору композиціи—Микѣшину, по его порученію, трудились художники: Шредеръ (отдѣлъ писателей съ художниками), Лаве-

(*) Владиміръ 3 фигуры. Димитрій Донской 2 и Михаилъ 3.

рецій (отдѣлъ людей государственныхъ), Чижевъ, Любимовъ, Румянцевъ и пр. (отдѣлы просвѣтителей и героев).

Свой обзоръ мы начнемъ съ *просвѣтителей*, рядъ которыхъ начинается Кирилломъ и Меѳодіемъ, изобрѣтателями славянской азбуки, такъ называемой *Кириллицы*, въ годъ призванія въ Новгородъ Рюрика, положимъ для Моравіи, но также для племени славянъ, каковы были и новгородскіе. Праздную тысячелѣтіе государства русскаго народа, теперь самаго главнаго изъ славянскихъ племенъ, мы одновременно пережили стало быть и тысячелѣтіе введенія письменности нашего языка, наравнѣ со всѣми славянскими нарѣчіями, обязаннаго самими орудіями передачи звуками его на письмѣ—Кириллу и Меѳодію. Эти святые философы, по всей справедливости, заслуживаютъ на нашемъ памятникѣ первенство въ ряду просвѣтителей, отрываемаго ими тысячелѣтія, не только какъ провозвѣстники свѣта Христовой вѣры одному изъ славянскихъ племенъ, но главнѣйше какъ изобрѣтатели письменъ, съ помощью которыхъ догматы вѣры и всѣ знанія, развивающія умъ челоуѣка, нашли свободный доступъ въ мысль и сердце предковъ и одноплеменниковъ нашихъ.

Художникъ изобразилъ «моравскихъ апостоловъ», совѣтующихся о переводѣ священнаго писанія. Образъ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ въ

глубинѣ фона приводитъ на память цѣль ихъ открытія и дѣятельности и самою формою кивота, переноситъ въ бытъ благовѣрной Византіи, пославшей и проповѣдниковъ евангелія въ далекую страну ихъ подвиговъ. Помѣщеніе святой Ольги непосредственно послѣ «славянскихъ учителей», съ одной стороны указываетъ порядкомъ времени событій, съ другой стороны получаетъ значеніе знаменательное, какъ слѣдствіе ихъ проповѣди между славянами, внушившей княгинѣ желаніе сдѣлаться христіанкою. Кроткій образъ ея удаляется, уступая мѣсто равноапостольному внуку, исполнившему ея завѣтъ—озарить Русь св. крещеніемъ. Крестъ въ рукѣ—соединительное звѣно общей мысли праматери съ внукомъ. Указаніе другою рукою на купель дополняетъ мысль предложенія князя своему народу: вступить, вмѣстѣ съ нимъ, въ греческое православіе, представителемъ котораго является погруженный въ душу надъ невѣдомыми путями промысла—святитель херсонскій. По слѣдамъ учителей—грековъ, пошли и новые христіане. Въ Кіевской столицѣ, гдѣ пышный дворъ княжескій обращалъ на себя вниманіе отдаленныхъ сосѣдей, завелась первая иноческая обитель—Печерская. Первоначальники ея, св. Антоній съ Θεодосіемъ, изображены рядомъ съ первымъ святителемъ. Старцы ведутъ бесѣду. Младшему, болѣе книжному—Θеодосію внимаетъ пустынножитель, искусившійся на Аѳонѣ. Книга въ рукѣ Θεодосія—уставъ

лавры. За купою основателей выступает купа братій. Задній изъ нихъ, съ крестомъ въ десницѣ—мученикъ Кукуша, проповѣдь Христовой вѣры суровымъ Витяземъ запечатлѣвшій смертію. Старець-инокъ въ кукулѣ и мантии, съ длинною бородою и книгою—блаженный Несторъ, подъ именемъ котораго дошла до насъ лѣтопись первыхъ вѣковъ государственной жизни нашего отечества. Св. Несторъ долженъ былъ занять мѣсто подлѣ первоначальниковъ обители и какъ описатель ихъ богоугоднаго житія и христіанскихъ подвиговъ въ общее назиданіе. Близъ дѣписателя помѣщена купа друзей, соревнователей добродѣтели христіанской; это святитель Алексѣй и смиренный Сергій Радонежскій, котораго кроткій владыка нарекалъ своимъ преемникомъ, но, возлюбившій нищету духовную, анахоретъ ни за что не хотѣлъ быть *златоносцемъ* и промѣнять свое уединеніе въ Богѣ на суету и заботы первопрестольной кathedры. По слѣдамъ Сергія подвизался далѣе на сѣверѣ, въ лѣсахъ восточнаго предѣла новгородской области—преподобный Кириллъ, основатель монастыря на Бѣло-озерѣ. Среди иноческихъ подвиговъ, пустынножитель не забывалъ обязанностей къ родинѣ, словами и письмами преграждая распри князей. Просвѣтитель далесой Біармии свѣтомъ ученія Христова—св. Стефанъ изображенъ въ живой бесѣдѣ съ Кирилломъ, какъ свѣтиломъ сѣверной Россіи въ дѣлѣ бого-

познанія. Приноровителю славянской азбуки къ звукамъ финскаго языка пермскаго нарѣчія дано здѣсь самое приличное мѣсто, въ сосѣдствѣ съ ученымъ грекомъ Максимомъ, представляющимъ соединительное звѣно иноземнаго ученаго образованія съ иностраннымъ же изобрѣтеніемъ — книгопечатаніемъ, и у насъ, какъ на западѣ, открывшемъ успѣхи науки. Позади св. Стефана и Максима-грека пріютились, съ митрополитомъ Іоною, чудотворцы соловецкіе и первый пастырь Казани, просвѣтитель бывшаго мусульманскаго царства — святой Гурій. Преемникъ его, Варсонофій, неумѣстно попалъ между Петромъ Могилою и княземъ Константиномъ Острожскимъ — двигателями просвѣщенія въ югозападной Россіи. Замѣтимъ вообще, что одни головы чудотворцевъ соловецкихъ, митрополита Іоны и св. Гурія — ничѣмъ не напоминаютъ ихъ историческаго значенія въ современномъ имъ обществѣ. Какъ при Кириллѣ съ Меодіемъ образъ Богоматери, здѣсь обликъ соловецкой обители дали бы вѣсь и смыслъ нагроможденному углу головъ, которыя, вѣроятно, для ввода аксессуара, раздвинулись бы и составили болѣе благообразное общее съ выгрышемъ для картиннаго пятна и усиленіемъ интереса. Какъ подготовитель будущаго матеріала для печатанія славянскихъ книгъ — переводами св. отцевъ съ роднаго ему языка, ученый Максимъ Грекъ помѣщенъ, такъ сказать, на порогѣ просвѣщенія

неразлучнаго съ идеею распространенія письменности — книгопечатаніемъ. Онъ изображенъ среди своихъ занятій — разбора рукописей, о-богъ съ ревнителемъ просвѣщенія митрополитомъ московскимъ Макаріемъ, составителемъ большой Чети-Минси. Святителю Макарію дана живая поза разумнаго обсужденія благодѣяній типографскаго дѣла при самомъ печатномъ станѣ. Стоя по другую сторону его, такой же какъ Макарій, ревностный покровитель искусства книжнаго, воевода князь Острожскій, указывая перстомъ на наборъ листа какъ бы приводитъ въ бесѣдѣ со святителемъ новые доводы въ пользу любимаго имъ изобрѣтенія Гуттенберга. Жаль, что продолжатель дѣла князя Острожскаго, умный Петръ Могила устранимый въ глубину барельефа, изображенъ какъ бы холоднымъ зрителемъ торжества книгопечатанія и не выражаетъ мѣстомъ своимъ послѣдовательности времени, дѣлается какъ бы предшественникомъ Острожскаго, между которыми и Никономъ нѣтъ промежутка. Безспорно, энергическому образу патріарха, исправителя книгъ, дано, по справедливости, мѣсто непосредственно подлѣ орудія книгопечатанія; но, отодвинувъ нѣскольکو князя Острожскаго ближе къ Макарію, нашлась бы вѣроятно возможность въ настоящемъ свѣтѣ выставить и подвигъ Могилы — борца съ латинскою ученостію, и основателя Кіевской академіи именно какъ вѣрнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія

для борьбы съ учеными противниками на ихъ же почвѣ. Невыясненіе этой заслуги Петра Могилы—упущеніе, равносильное самому забвенію о немъ, потому что во всякомъ другомъ свѣтѣ, а не какъ предусмотрительный противникъ униі и латинства, основатель ученаго братства въ Кіевѣ остается ничѣмъ не отличеннымъ отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ по кафедрѣ. Пожалуй, могутъ родиться и вопросы: для чего эта личность выбрана изъ ряда іерарховъ кіевскихъ? Развѣ въ качествѣ представителя кіевской церкви, какъ Гурій и Варсонофій представители казанскіе?

Остановившись передъ рѣшительною фигурою патріарха Никона, всякій, знающій отечественную исторію, пошлетъ заочную похвалу художнику, мѣтко угадавшему позу и движеніе. Такимъ точно, пламеннымъ и неотступнымъ ни передъ какими препятствіями, является въ исторіи сановитый другъ царя Алексея, потомъ изгнанный, лишенный, на соборѣ, патріаршества. Полная кроткаго величія думная голова Ѳ. М. Ртищева — друга человѣчества, составляетъ трогательный переходъ отъ усиленной энергіи Никона къ сосредоточенной разсудительности Димитрія Ростовскаго, способной на труды, стоящіе многихъ годовъ, за то и переживающихъ, вѣка, каковы напр. его «Чети-Миней.» Кроткій образъ воронежскаго владыки, св. Митрофана, также точно составляетъ переходъ къ тинѣ горячаго сочувствія дѣлу утѣсненныхъ единовѣр-

цевъ—въ образѣ Георгія Конисскаго. Съ владыкою, сочувствовавшимъ нуждамъ государства при Петрѣ I, поставленъ рядомъ патріотъ-пастырь, видѣвшій въ Екатеринѣ II—солнце, равно согрѣвающее своимъ царственнымъ сочувствіемъ добрыя начала развитія во всѣхъ подданныхъ. Послѣдовательный порядокъ времени здѣсь пожертвованъ идеѣ; безъ того бы Теофанъ Прокоповичъ не долженъ былъ изображаться, ведущимъ бесѣду съ витіею временъ Екатерины II, знаменитымъ Платономъ. Ихъ соединяетъ готовность служить интересамъ государства истолзованіемъ народу, сильнымъ глаголомъ вѣры, великихъ предначертаній монарховъ на пользу подданныхъ. Встрѣчая рядомъ съ Теофаномъ св. Тихона, конечно, начинаешь искать и другихъ пастырей, поучавшихъ словомъ и писемомъ свои паствы вѣрно и неуклонно слѣдовать водителству вѣры; но вмѣсто всѣхъ ихъ, какъ заключительный камень зданія современной церкви нашей, является, рано оставившій паству, архіепископъ Иннокентій таврическій. Дѣйствительно, онъ въ одномъ лицѣ своемъ можетъ выразить всѣ особенности духовнаго краснорѣчія отечественныхъ пастырей за ближайшее къ намъ время. Простая, доходящая до сердца слушателей рѣчь Михаила, блестящіе обороты Леваиды, строгая логика Анастасія все соединяется въ проповѣди Иннокентія, умѣвшего все это облекать въ самую граціозную форму возвышенной рѣчи.

За «Просвѣтителями» слѣдуетъ отдѣлъ «людей государственныхъ», начинающійся Ярославомъ I, Владиміровичемъ. Древній законодатель изображенъ стоящимъ въ поволокъ и шапкѣ, похожей на древнюю корону русскихъ царей, съ открытою книгою «Русской Правды», объясняющимъ законоположенія ея славному внуку Владиміру Мономаху. Миротворецъ удѣльныхъ распрей, облеченный въ древнюю царскую одежду, сидя, внимаетъ рѣчи дѣда, держа правую руку на рукояти длиннаго меча. За Мономахомъ, опершись на подножіе кумира Перкуна, въ одеждѣ воина, съ звѣриною кожей на плечахъ, является Гедиминъ. За нимъ, положившій руку на щитъ съ литовскимъ гербомъ, сидитъ, ведя бесѣду съ воиномъ Витовтомъ, князь Ольгердъ въ шлемѣ, напоминающемъ общеою формою Мономахову шапку. Витовтъ, съ державою въ рубѣ, тоже покрытъ сверхъ доспѣховъ медвѣжьей буркою; шлемъ на головѣ его увѣнчанъ пучкомъ перьевъ, какъ у сосѣдей литвы—тевтонскихъ рыцарей. Царственную сановитость литовскихъ государей затмѣваетъ своимъ величіемъ Іоаннъ III, сидящій на возвышенномъ тронѣ, держа скипетръ и державу. Къ ногамъ его со стороны Витовта приложенъ щитъ съ двуглавымъ орломъ — наслѣдіемъ единовѣрной Византіи. Величіе, разлитое въ чертахъ и позѣ Іоанна III, понятно выражаетъ значеніе державы его, приданное «собирателемъ земли русской». Время внука его, Іоанна IV, обозна-

чаетъ образъ кроткой царицы Анастасія между іеремь Сильвестромъ, рукою указывающимъ вверхъ, и благодушнымъ Алексѣемъ Адашевымъ, положившимъ обѣ руки на мечъ свой, съ которымъ всходилъ онъ побѣдителемъ на стѣны замковъ Ливоніи. Въ лицѣ друга Іоанна IV выражена кротость и незлобіе, составляющіе контрастъ съ лицомъ старца Гермогена, движеніемъ руки и взглядомъ выдающаго непоколебимую волю. Уморенный голодомъ врагами отечества, патріархъ указываетъ какъ на будущаго избранника на царство, на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, и здѣсь помѣщеннаго съ державою въ рукахъ, какъ и въ верхней группѣ, но уже не стоющимъ, а сидящимъ, въ порфирѣ и слушающимъ наставленія родителя своего—патріарха Филарета. Обратившись лицомъ къ любимому сыну, Филаретъ Никитичъ служитъ какъ бы отдѣленіемъ царствованія Михаила отъ времени мудраго Алексѣя Михайловича, запросто, приватно, не въ блескѣ царскаго сана наединѣ бесѣдующаго съ своими «Присными»: просвѣщеннымъ министромъ А. Л. Ордынымъ-Нащокинымъ и столько же безкорыстнымъ слугою царя и царства, А. С. Матвѣевымъ, за преданность къ юному Петру I расплатившемся жизнью въ первый стрѣлецкій бунтъ (15 мая 1682 года). Хранимый съ дѣтства провидѣніемъ, великій Петръ является подлѣ мудраго своего родителя, слушающимъ представленіе друга правды, Я. Ѳ. Долго-

рукова. Внемлемость правдѣ, хотя подь-часъ и горькой, выражена въ позѣ царя-преобразователя, скрепившаго руки на груди и слушающаго въ думѣ, сдвинувшей такъ грозно нависшія брови государя.

Екатерина II, продолжательница, спустя полвѣка послѣ Петра, его великихъ предначертаній, обружена своими совѣтниками: И. И. Бецкимъ, кн. А. А. Безбородко, Г. А. Потемкинымъ. Первый, въ официальномъ костюмѣ своего времени, съ шляпою въ рукѣ, какъ требовалъ этикетъ, изображенъ за плечомъ великой Монархини, неотличенный ничѣмъ особеннымъ, какъ оказывался онъ и въ дѣйствительности при прохожденіи возлагавшихся на него обязанностей, соединенныхъ съ приведеніемъ въ исполненіе верховныхъ предначертаній. Такой же характеръ исполнителя великій всепроникающаго ума Екатерины II сообщенъ и искусному канцлеру Безбородко, стараніями котораго заключенъ ясківъ миръ, окончательно оставившій за Россіею обладаніе Крымскимъ полуостровомъ. Безбородко совершенно умѣстно изображенъ, такъ сказать, участникомъ присоединенія Крыма, стоя подлѣ императрицы, къ подножію трона которой геніальный Потемкинъ повергаетъ трофеи послѣдней турецкой войны. Возлагая лавровый вѣнокъ на чело великолѣпнаго князя Тавриды, Монархиня въ лицѣ его награждаетъ заслугу государству. Совѣтникомъ внука Великой—Александра Перваго, представ-

лень графъ Кочубей, положеніемъ руки на груди и оборотомъ головы выражающій искренность донесеній императору этого государственнаго мужа. Подлѣ него возстаетъ образъ миротворца народовъ, «Александра Благословеннаго», внушающій невольное почтеніе. Монархъ положилъ свою шпагу съ вѣтвью оливы на карту Европы, въ знакъ общаго мира нашей части свѣта, купленнаго военными заботами Александра въ тяжкую годину борьбы съ могучимъ завоевателемъ. Императоръ Николай I изображенъ сидящимъ и принимающимъ книгу «Свода Законовъ» отъ составителя, графа Сперанскаго. Князь М. С. Воронцовъ, заботливостью о благѣ странъ сперва южной Россіи потомъ Кавказа, заслужилъ вышнѣе право помѣщенія въ разрядѣ государственныхъ людей царствованія Николая I, рядомъ съ графомъ Сперанскимъ.

«Государственныхъ людей» смѣняютъ «герои». Святославъ Игоревичъ открываетъ длинный рядъ отечественныхъ витазей. Стоя въ профиль и подогнувъ лѣвое колѣно, соперникъ по оружію Іоанна Цимисхія, составляетъ красивое дополненіе къ группѣ бойцевъ удѣльнаго періода — Мстислава Удалаго и Данила Галицкаго. За спиною счастливаго противоборца оружію монголовъ — короля Данила, молится на колѣняхъ отягченный ибѣнами страдалецъ Михаилъ Тверской. Въ заднемъ ряду, подлѣ Александра Невского,

крайнимъ къ Святославу стоитъ князь Довмонтъ, ограда Пскова отъ внѣшнихъ сильныхъ враговъ отчины св. Ольги. Побѣдитель Биргера, защитникъ Пскова и Новгорода, св. князь Александръ Ярославичъ, какъ молитвенникъ за любимое отечество, со-сѣдствомъ съ Донскимъ побѣдителемъ дополняетъ основную мысль памятника — хранительную силу вѣры въ судьбахъ отечества. Самъ Донской, влагая въ ножны мечъ послѣ одержанной побѣды, благодарить Бога за одолѣніе супостата послѣ столѣтнаго унижительнаго ига.

Рядомъ съ Димитріемъ, обнажающимъ мечъ, помещенъ его современникъ, герой Литвы, Кейстутъ, за-клятой врагъ прусскаго ордена, сдѣлавшійся жертвою коварства племянника, Ягайло (1388 г). Отецъ Витовта изображенъ стоящимъ въ полномъ вооруженіи съ мечемъ въ правой рукѣ, опущенной вдоль щита съ изображеніемъ литовской погони. Нѣсколько впереди отъ этихъ четырехъ героев XIII и XIV-го вѣка сидятъ вожди Іоанна III: князя Холмскій и Щени съ воеводою страдальцемъ отъ гнѣва грознаго Іоанна, княземъ М. И. Воротынскимъ. Жестокость князя Холмскаго къ плѣннымъ новгородцамъ выражена довольно характерно самымъ его, какъ бы угрожающимъ, обращеніемъ къ знаменитой Марѣѣ, съ отчаяніемъ сложившей руки надъ разбитымъ ко-лоломъ «веча» — атрибутомъ самостоятельности ея

родины, славной союзницы Ганзы. Желательно было бы видѣть на столько же характерно выраженными личности покорителя Казани и грозы крымцевъ—Воротынскаго, какъ и побѣдителя Острожскаго при Ведрошѣ— князя Д. В. Щени. Въ фигурѣ послѣдняго костюмъ, самъ говоря за себя, представляетъ хотя боярина прошлыхъ вѣковъ въ фериши съ козыремъ, тогда какъ страдалецъ—мученикъ подозрительности Іоанна IV, князь М. И. Воротынский, кромѣ горлатной шапки ничѣмъ не отличенъ. Можетъ быть, недостаточное развитіе характеровъ этихъ замѣчательныхъ личностей допущено именно въ видахъ ярче обрисовать патріотку боярыню Борецкую и покорителя кучумова царства сибирскаго—атамана Ермака Тимофеевича. Въ этомъ отношеніи цѣль достигнута. Фигура престарѣлой Марѣи въ высшей степени благородна и возбуждаетъ сочувствіе выраженіемъ неподдѣльной скорби на гордомъ лицѣ ея. На энергическомъ, мужественномъ лицѣ атамана, покорителя Сибири, написана тоже тяжелая дума. Можетъ быть, думать художникъ передать самое рожденіе идеи завоевателя: славными подвигами загладить прошлое, напоминаемое тяжелымъ кистенемъ, что на цѣпи у ногъ его? Фигуры на разбитомъ щитѣ правда, могутъ потребовать объясненія, но идея разрушеннаго царства, выраженная имъ, ясна безъ комментарій. Въ лицѣ Скопина Шуйскаго счастливо разрѣшена трудная задача сход-

ства съ современнымъ игоннымъ изображеніемъ при сообщеніи непривлекательно-грубому оригиналу красоты, которою отличался между современниками, герой, племянникъ царя Василія Шуйскаго. Мечъ и булава въ рукахъ его, конечно означаютъ предводительство войсками. Желалось бы больше одушевленія, но и здѣсь, какъ эфемерное явленіе въ исторіи нашей, личность Скопина не должна привлекать на себя большого вниманія, чѣмъ освободители отечества—Пожарскій, Мининъ и Палицынъ. Группа «освободителей» у стола съ короною, изображаетъ благородныя усилія патріотовъ разныхъ сословій сохранить цѣлость и независимость отечества. Въ лицѣ Минина, стоящаго на болѣняхъ у мѣшка, съ разсыпанною казною, выразилось благодушное жертвованіе на защиту отечества всего, что имѣлъ у себя драгоцѣннѣйшаго. Пожарскій, внимающій голосу вѣры въ устахъ подвижника за родину келья Палицына, заклинаящаго постоять за вѣру православную и освободить столицу отъ поляковъ, пѣтъ являетъ готовность посвятить свой мечъ и всего себя этому великому подвигу. Противъ нихъ, у того же стола съ короною, умираетъ крестьянинъ Сусанинъ, какъ безкорыстная жертва сознанія долга. Вводъ гетмана Хмѣльницкаго между этими представителями возстановленія московскаго царства, нѣсколько усложняетъ идею и даже разъединяетъ ее; при фигурѣ же Сусанина не вдругъ даже можно понять что это

за новая личность; прежде всего на мѣстѣ Хмѣльницкаго предполагались найти, по обстановкѣ, Трубецкаго или даже Заруцкаго, видя фигуру въ польскомъ костюмѣ. Нѣкоторая послѣдовательность въ помѣщеніи представителя присоединенія Малой Россіи была очевидна. Переходъ рѣзокъ также и отъ Суеванина къ петровскимъ предводителямъ посредствомъ одного Хмѣльницкаго, именно поэтому поставленнаго не вполне уместно. Алексѣй Михайловичъ велъ счастливую войну съ Польшею, завоевалъ Смоленскъ; событія эти имѣли связь съ присоединеніемъ Малороссіи; намекъ на нихъ, въ лицѣ главнаго дѣятеля-восначальника, былъ бы нелишнимъ дополненіемъ Хмѣльницкому, служа между тѣмъ и переходомъ, менѣе порывистымъ, ко временамъ Петра I. Великая сѣверная война представлена въ лицѣ Б. П. Шереметева и героя-покорителя Шлиссельбурга, князя М. М. Голицына. Рядомъ съ послѣднимъ, что-то сообщающимъ фельд-маршалу Шереметеву, помѣщенъ вождь семилѣтней войны П. С. Салтыковъ. Побѣдитель Фридриха при Кунерсдорфѣ оказывается какъ бы предшественникомъ Миниха и, при относительномъ только сходствѣ, остается малоговорящимъ зрителю своею неопредѣленною позою. Сопоставленіе Миниха рядомъ съ гр. Алексѣемъ Орловымъ, въ дружеской какъ бы бесѣдѣ, конечно, можетъ быть допущено по времени; но при большей обдуманности, вѣроятно, предста-

вплось бы затрудненіе въ такомъ расположеніи этихъ двухъ личностей. Суворовъ съ Румянцевымъ, по нашему мнѣнію, наоборотъ, одинъ изъ эпизодовъ самыхъ удачныхъ. Въ высшей степени характеристичная поза героя Рымника и взглядъ на него побѣдителя турокъ при Кагулѣ, какъ бы свысока, прекрасно напоминаютъ отношенія между двумя соперниками по профессіи, въ одно время принимавшія непріятный для перваго оборотъ безъ заступленія Екатерины II. Чета предводителей *двѣнадцатаго* года столько же удовлетворительна въ отношеніи общей характеристики какъ и выраженія исторической истины. Адмиралъ Сенявинъ, какъ представитель славы русскаго оружія на водахъ Адріатики, по всей справедливости занимаетъ мѣсто рядомъ съ Кутузовымъ и Платовымъ. Знаменитый атаманъ, представленный слушающимъ князя Багратіона, дополняетъ рядъ предводителей царствованія Александра I. Дибичъ съ Паскевичемъ, адмиралъ Лазаревъ и защитники многострадальнаго Севастополя: Корниловъ и Нахимовъ, какъ лица близкаго къ намъ времени, многими знаемые въ лицо и всѣми по портретамъ, издававшимся во множествѣ послѣ послѣдней войны, заключаютъ собою предпослѣдній отдѣлъ представителей избранниковъ земли русской.

Остаются ученые и художники. Въ этомъ отдѣлѣ при окончательной обработкѣ господиномъ Шредеромъ

сдѣланы, между прочимъ, измѣненія противъ композиціи г. Минѣина, не вполне удачныя. Самою вопіющею изъ такихъ поправокъ-промаховъ безъ сомнѣнія драпированіе какою-то хламидою Н. В. Гоголя, въ первоначальномъ рисункѣ поставленнаго въ сюртукъ. Измѣненіе характера и фигуры Ломоносова тоже вышло не вполне удовлетворительно и менѣе говоритъ о безсмертномъ ученомъ, чѣмъ первоначальная наброска. Неполнота этого отдѣла особенно чувствительна. Ищешь прежде всего хотя Кольцова въ ряду поэтовъ и Кулибина въ семьѣ представителей науки, но ихъ-то и нѣтъ на памятникѣ. Выборъ поэтовъ и литераторовъ впрочемъ еще довольно полонъ, за исключеніемъ забытаго какъ-то Кольцова! Тутъ, начиная съ фонъ-Визина, есть Державинъ и Карамзинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, Жуковский и Гнѣдичъ, Лермонтовъ, Пушкинъ и Гоголь. Композиторы музыки на лицо, за исключеніемъ Березовскаго, но ихъ всего двое — Бортнянскій и Глинка. Два только выбраны и сценическіе таланта: отецъ театра—Волковъ, да Дмитревскій. Архитектура имѣетъ представителемъ одного Кокорина, строителя зданія Академіи; живопись—К. Брюллова; и всѣ науки, кромѣ исторіи, которую можетъ представить литераторъ Карамзинъ, воплощаетъ собою одинъ Ломоносовъ. Конечно, по заслугѣ не найдется равныхъ дѣятелей съ гениальнымъ Ломоносовымъ—энциклопедистомъ, въ смыслѣ многосторонности знаній

*

и предметовъ ученыхъ изслѣдованій (открытія котораго, и самыя важныя, остаются еще подъ снудомъ, неизвѣстными ученому міру Европы),—но все же были у насъ и еще полезныя дѣятели, принесшіе пользу обществу трудами въ области науки, какъ Палласъ, Гмелинъ, Лепехинъ, геній механики—самоучка Кулибинъ, капитанъ Беринъ въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда морскія открытія на сѣверѣ были еще необыкновенны, рѣшившій вопросъ о несоединеніи Азіи съ Америкою, интересовавшій ученый міръ своего времени; путешественники вокругъ свѣта: Крузенштернъ, Беллинггаузенъ, Литке; Татищевъ, на столько же отецъ критической исторіи нашей, какъ Волковъ — отецъ театра; сценическіе артисты талантомъ выше Дмитревскаго, какъ Локтевъ, Каратыгинъ и Мартыновъ. Было кого и за что удостоить представительства за время тысячелѣтія, при меньшей строгости выбора?

Перейдемъ къ самому описанію. Ломовосовъ изображенъ сидящимъ съ перомъ въ рукѣ и погруженнымъ въ думу. Подлѣ перваго нашего оригинальнаго ученаго, первый оригинальный юмористъ — сатирикъ Д. Н. фонъ-Визинъ. Характерная поза его, такъ нравившаяся вѣрною передачею привычнаго положенія автора «Митрофана», измѣнена при окончательномъ исполненіи далеко не къ лучшему. Подлѣ него Державинъ, положимъ, посаженъ возможно и

даже непринужденно, но поза сама по себѣ не совсѣмъ прилична поэту, возвышенному творцу одъ религіозно-философскихъ. О. Г. Волковъ, на мѣсто котораго (какъ было на рисункѣ Мигѣшина) посаженъ Державинъ, при новомъ расположеніи тоже сдѣлался какъ бы фигурою безъ рѣчей, во всякомъ случаѣ мало выступающею для обращенія на себя должнаго вниманія зрителя, если тотъ не будетъ собственно заинтересованъ заранѣе личностью отца русскаго театра и не станетъ отыскивать ее именно. Положеніе Кокорина казалось не вполне обдуманнѣмъ и въ первоначальной композиціи; не болѣе серьезно оно изъ окончательномъ исполненіи. Къ тому же личность ползнаго, скажемъ даже незамѣнимаго для первоначальной академіи дѣятеля, какимъ былъ А. Ф. Кокоринъ, для большинства совсѣмъ неизвѣстна и казалось бы было вполне справедливо, для точнѣйшаго опредѣленія архитектуры нашей, помѣстить съ нимъ вмѣстѣ еще графа Растрелли, гениальнаго Баженова, да талантливаго строителя Казанскаго собора—Воронихина. А то, одинъ Кокоринъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть представителемъ архитектуры въ Россіи за послѣднее столѣтіе; тѣмъ болѣе, что онъ не проявилъ свою дѣятельность по искусству ничѣмъ оригинальнымъ, кромѣ повторенія Казертскаго дворца—въ общемъ планѣ академическаго зданія. Не видя другихъ представителей нашей живописи на памятникѣ тысячелѣтія, кромѣ К. Брю-

лова, хотѣлось бы видѣть еще кого-либо также изъ собратій его по искусству, по-крайней-мѣрѣ Левицкаго— великаго портретиста не въ приложеніи къ одной Россіи, но повсюду заслужившаго бы громкую репутацію, и только отъ-того, что онъ русскій, напротивъ, оставшагося неизвѣстнымъ Европѣ до настоящей международной выставки въ Лондонѣ. Мѣсто на памятникѣ для него должно бы оказаться, если есть Бортнянскій и Дмитревскій. Кому же, какъ не соотечественникамъ, отдавать принадлежащую честь соотечественнику?

Доведемъ до конца послѣдовательность обозрѣнія. На мѣстѣ, назначавшемся первоначально для Кокоринова, помѣщенъ Карамзинъ. Исторіографъ слушаетъ говорящаго «дѣдушку Крылова»; Жуковскій и Гнѣдичъ, подобно Карамзину, слушаютъ баснописца. Въ сторонѣ сидитъ Лермонтовъ. Пушкинъ съ Гоголемъ стоятъ поодаль. За ними идетъ Глинка съ портфелемъ въ рукахъ, бесѣдуя съ К. Брюловымъ. Въ сторонѣ, Бортнянскій разыгрываетъ духовныя симфоніи на клавинодахъ.

Описавъ наружность памятника и скульптурныя его изображенія, было бы упущеніемъ съ нашей стороны умолчать, что общій вѣсъ всей бронзы, отлившейся г. Кохуномъ на фабрикѣ Никольса и Шинке въ Спб., доходитъ до 5,700 пудовъ и, что по отливкѣ, зрители, до отправления въ Новгородъ. видѣли собран-

ный памятникъ, въ продолженіе трехъ дней, на самой фабрикѣ, въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ. Къ 1 сентября всѣ работы по сооруженію были окончены.

Вотъ ходъ ихъ отъ начала до конца. По выборѣ мѣста, г. главноуправляющій поручилъ постройку памятника тысячелѣтія доканчивателю памятника императору Николаю I, инженеръ-генераль-маіору В. Д. Евреинову. Работы шли быстро. Въ теченіе лѣта 1860 г. разобранъ стоявшій передъ губернскими присутственными мѣстами въ Новѣгородѣ обелискъ въ память ополченія 1812 года. Обелискъ, перенесенный на Софійскую торговую площадь, поставленъ передъ домомъ дворянскаго собранія. На софійской площади въ кремлѣ, близко отъ мѣста, гдѣ стоялъ обелискъ, начато рытье земли подъ фундаментъ памятника тысячелѣтія. Каменная кладка фундамента произведена тоже въ это лѣто—до поверхности земли. Зимой 1860—61 г., на мѣстѣ, въ Новѣгородѣ, тесались массы сердобольскаго гранита и приготавлились для положенія въ пьедесталь. Въ маѣ 1861 г. совершена торжественная закладка памятника, причемъ въ оставляемую обыкновенно выемку въ фундаментѣ заложенъ бронзовый ящикъ съ медалями; отверстіе камня закрыто бронзовою доскою, съ надписью, заключающею обозначеніе цѣли сооруженія и исполнителей его (*).

(*) Эта надпись: «Въ память тысячелѣтія Россійскаго государства»

Надъ нимъ положенъ послѣдній гранитный квадръ верхняго ряда фундамента. Лѣтомъ послѣ закладки пьедесталъ построенъ окончательно; къ осѣни доставленъ камень для тротуара (изъ Олонскаго губерніи).

Зимою 1861—1862 г. окончены модели изъ гипса и приступлено весною, по сборѣ ихъ, къ отливкѣ изъ бронзы. Одновременно отдѣлана мѣстность вокругъ памятника, настланы тротуары, поставлена бронзовая рѣшетка и шесть громадныхъ фонарей на пьедесталахъ вокругъ памятника.

Въ окончательномъ видѣ памятникъ, открытый 8 сентября, представляетъ массу гранита и бронзы, вышиною въ $7\frac{1}{2}$ сажень. Діаметръ державы въ $6\frac{1}{2}$ аршинъ; пьедесталъ въ 3 саж. вышины и 4 сажени 2 арш. въ діаметрѣ; расширенный внизу, гранитный цоколь вышиною въ 1 аршинъ 10 вершковъ. Надъ нимъ гранитная же база въ 12 вершковъ; на 2-хъ аршинной высотѣ, надъ барельефомъ, гранитный карнизъ въ 14 вершковъ; облицованное въ верхней части бронзою, подножіе группъ въ $3\frac{1}{4}$ арш. Въ 1 сажень шириною идетъ гранитный тротуаръ вокругъ па-

въ благополучное царствованіе Императора Александра II, добровольными приношеніями русскаго народа »

«Подъ непосредственнымъ распоряженіемъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина. Строителемъ инженеръ-генералъ-маіоромъ Евреиновымъ, по проекту художника Михайлова »

мятника; за нимъ крутой спускъ въ три сажени разстояніемъ, передъ рѣшеткою.

Въ заключеніе заимствуемъ стоимость сооруженія изъ брошюры, изданной главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичн. зданій ко дню открытія памятника (*).

По официальнымъ свѣдѣніямъ означенной брошюры видно, что за модели заплачено художникамъ 147,500 р.; постройка пьедестала съ обдѣлкою окружающей памятнѣ мѣстности обошлась въ 100,250 руб.; отливка бронзы и цѣна мѣди—188,000 р.; расходы по исправленію и перестройкѣ кремлевской стѣны въ Новѣгородѣ, перенесеніеobelиска ополченію и приготовленіе къ открытію, составляютъ 35,500 р.; наконецъ, на управленіе работами издержано 22,000 руб., такъ что стоимость сооруженія памятника тысячеклѣтія составляетъ всего 492,250 руб.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о составителѣ проекта памятника, художникѣ Михаилѣ Осиповичѣ Микѣшинѣ.

М. О. Микѣшинъ родился въ селѣ Максимовѣ, Смоленской губерніи, Рославльскаго уѣзда, 9 февраля 1836 года. Образованіе получилъ онъ доступное въ уѣздномъ училищѣ города Рославля, гдѣ, конечно, учили его и рисованію. По выходѣ изъ училища,

(*) Сама брошюра не имѣется въ продажѣ, потому мы и рѣшились сдѣлать изъ нея позаймствованіе.

при недостаточности средствъ и природномъ талантѣ, послѣ такого недостаточнаго приготовленія будущій художникъ занялся иллюминированіемъ проектныхъ чертежей для пролагавшагося московскаго тракта черезъ Смоленскую губернію; скоро его рисунки на мѣстѣ получили кое-какую извѣстность. Принявшій на себя работы мостовыя, А. А. Вонлярлярскій, случайно увидѣвъ рисунки молодого Микѣшина, предложилъ его родителямъ отвезти въ Петербургъ ихъ сына, чтобы онъ могъ развить выдающійся талантъ къ искусству. Предложеніе принято, — и, въ концѣ 1851 года, Микѣшинъ очутился въ Петербургѣ. Здѣсь при посредствѣ А. О. Шарлеманя принялъ его въ ученики баталистъ нашъ Вилевальде, въ мастерской котораго, къ выставкѣ 1853 г. написанная картина «Лейбъ-гусары у водопоя» доставила молодому художнику 2-ю серебряную медаль, а съ нею надежду достигнуть путемъ развитія до дальнѣйшихъ успѣховъ.

За первымъ поощреніемъ быстро слѣдовали другія и разныя, лестныя для художника, порученія. Императоръ Николай I, между прочимъ, для списыванія сценъ военныхъ послалъ Микѣшина въ Царство Польское. На Кавказъ сопровождалъ онъ великаго князя и изучилъ мѣстность и типы туземныхъ племенъ.

Нѣсколько рисунковъ изъ его путевого кавказскаго альбома прекрасно переданы на деревѣ г. Гогенфельденомъ. По возвращеніи въ Петербургъ, академическія

занятія Микѣшина пошли своимъ чередомъ и въ 1859 г. первая золотая медаль доставила 23-хъ-лѣтнему художнику право на пенсіонерство за границею. Проектъ памятника тысячелѣтію на время лишилъ его, правда, возможности воспользоваться пріобрѣтенною трудомъ и талантомъ стипендіею. При открытіи памятника тысячелѣтія М. О. Микѣшинъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра, и что всего важнѣе для художника, сознающаго потребность серьезно посвятить всего себя искусству, возможность не работать для куска хлѣба, — пожизненный пенсіонъ въ 1,200 руб. сер. въ годъ. Желаемъ отъ души талантливому соотечественнику употребить на пользу искусства царское поощреніе.

**Списокъ лицъ, помѣщенныхъ на барельефѣ
памятника «Тысячелѣтія Россіи».**

I. Отдѣлъ просвѣтителей.

1. Св. Меѳодій († 885 г.)
2. — Константинъ, въ монашествѣ Кирилль (род. 827 † 869 г.)
3. Св. княгиня Ольга, въ христіанствѣ Елена († 969 г.)
4. Св. князь Владиміръ Святославичъ († 1015 г.)
5. — Авраамій Ростовскій (XI—XII в.)
6. — Антоній Печерскій (XI в.)
7. — Ѳеодосій Печерскій († 1084 г.)
8. — Кукша, исповѣдникъ, черноризецъ Печерскій (XIII в.)
9. Св. Несторъ, черноризецъ Печерскій (1057 — 1116 г.)
10. Св. Алексѣй, митрополитъ Московскій (1293 — 1378 г.).
11. Св. Сергій, игумень Радонежскій (1314 — 1392 г.)
12. Св. Кирилль, игумень Бѣлозерскій (1337 — 1427 г.)
13. Св. Стефанъ, первый еписк. Пермскій († 1396 г.)
14. Св. Іона, митрополитъ Московскій († 1461 г.)
15. — Савватій Соловецкій (XV в.)
16. — Зосима Соловецкій († 1478 г.).
17. Максимъ грекъ († 1556 г.).

18. Макарій, митрополитъ Московскій († 1564 г.)
19. Св. Гурій, первый архіеписк. Казанскій († 1564 г.)
20. — Варсонофій, архіепископъ Тверскій († 1576 г.)
21. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій († 1688 г.)
22. Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій (1597 — 1646 г.)
23. Никонъ, патриархъ Московскій (1605—1681 г.)
24. Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ (1615—1673 г.)
25. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (1651—1709 г.)
26. Св. Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій (1624—1703 г.)
27. Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій (1724—1783 г.)
28. Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій (1717—1795 г.)
29. Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Псковскій (1681—1736 г.).
30. Платонъ Левшинъ, митрополитъ Московскій (1737—1812 г.).
31. Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій (1800—1857 г.).

II. Отдѣлъ людей государственныхъ.

32. Ярославъ I. Владиміровичъ (678—1054 г.)

33. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (1052 -- 1125 г.)
34. Гедиминъ, Великій князь Литовскій († 1337 г.)
35. Ольгердъ, Великій князь Литовскій († 1377 г.)
36. Витовтъ, Великій князь Литовскій († 1430 г.)
37. Іоаннъ III (Тимоѣй) Васильевичъ (1440 — 1505 г.), царь и великій князь московскій.
38. Іерей Сильвестръ, совѣтникъ Іоанна IV (XVI в.)
39. Царица Анастасія Романовна, первая супруга царя Іоанна IV (1530—1560 г.)
40. Окольничій Алексѣй Ѳеодоровичъ Адашевъ († 1561 г.)
41. Гермогенъ, патріархъ Московскій († 1612 г.)
42. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ († 1596 — 1645 г.)
43. Патр. Филаретъ Никитичъ Романовъ († 1634 г.)
44. Бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащokinъ († 1630 г.)
45. Бояринъ Артемій Сергѣевичъ Матвѣевъ (1625—1682 г.)
46. Царь Алексѣй Михайловичъ (1629—1676 г.)
47. Императоръ Петръ I Алексѣевичъ (1672 — 1725 г.)
61. Довмонъ (Тимоѣй), князь Псковскій († 1299 г.)
62. Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій († 1263 г.)
63. Михаилъ Ярославичъ, князь Тверской (1271 —

51. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбо-
родко (1746—1799 г.)
52. Фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ
Потемкинъ (1736—1791 г.)
53. Канцлеръ князь Викторъ Павловичъ Кочубей
(1768—1834 г.)
54. Императоръ Александръ I Павловичъ (1777—
1825 г.)
55. Гр. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій (1772—
1839 г.)
56. Кн. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (1782 —
1856 г.)
57. Императоръ Николай I Павловичъ (1796 —
1855 г.)

III. Отдѣлъ людей военныхъ.

58. Святославъ Игоревичъ, великій князь Кіевскій
(† 972 г.)
59. Кн. Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой (1224 г.)
60. Король Данилъ Романовичъ Галицкій (1201—
1265 г.).
78. Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ
Голицынъ (1675—1730 г.)
79. Фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салты-
ковъ († 1772 г.)
80. Фельдмаршалъ графъ Бернгардъ Христофъ фонъ-
Минихъ (1683—1769 г.)

64. Великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской (1350—1389 г.)
65. Кейстутъ Гедиминовичъ, князь Троцкій, въ Литвѣ († 1388 г.)
66. Кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій († 1483 г.)
67. Кн. Михаилъ Ивановичъ Воротынскій († 1578 г.)
68. Князь Даніилъ Васильевичъ Щеня († 1515 г.)
69. Боярыня Марфа Борецкая, посадница Новгородская (XV в.)
70. Антонъ Ермакъ (Германъ) Тимофѣев. († 1583 г.)
71. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій († 1610 г.)
72. Козьма Миничъ Сухорукій, гражданинъ Нижняго-Новгорода, думный дворянинъ († 1616 г.)
73. Кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій (1578—1642 г.)
74. Келарь Троицко-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ († 1626 г.)
75. Сусанинъ.
76. Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи († 1657 г.)
77. Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (1652—1719 г.)
48. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій (1639—1720 г.)
49. Иванъ Ивановичъ Бецкой (1704—1795 г.)
50. Императрица Екатерина II Алексѣевна (1729—1796 г.)

81. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ (1737—1808 г.)
82. Фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (1725—1796 г.)
83. Генералиссимусъ князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій (1729—1800 г.)
84. Генераль-фельдмаршалъ князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли (1761—1818 г.)
85. Генераль-фельдмаршалъ князь Михаилъ Платоновичъ Кутузовъ-Смоленскій (1745—1813 г.)
86. Адмир. Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ (1763—1831 г.)
87. Атаманъ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ (1751—1818 г.)
88. Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ (1765 — 1812 г.)
89. Фельдмаршалъ графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій (1785—1831 г.)
90. Генераль-фельдмаршалъ князь Иванъ Ѳсдоровичъ Паскевичъ-Эриванскій (1782—1856 г.)
91. Адмир. Михаилъ Петровичъ Лазаревъ (1788—1850 г.)
92. Адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ (1816—1854 г.)
93. Адмир. Павелъ Степановичъ Нахимовъ (1810—1855 г.).

IV. Писателей и художниковъ.

94. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ (1711 — 1765 г.)
 95. Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ (1744—1792 г.)
 96. Гавріиль Романовичъ Державинъ (1743 — 1816 г.)
 97. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763 г.)
 98. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (1736 — 1821 г.)
 99. Александръ Филипповичъ Кокориновъ (1729 — 1772 г.)
 100. Николай Михайловичъ Карамзинъ (1760 — 1826 г.)
 101. Иванъ Андреевичъ Крыловъ (1768—1844 г.).
 102. Василій Андреевичъ Жуковскій (1783—1852 г.)
 103. Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ (1795 — 1829 г.)
 104. Михаилъ Юрьевичъ Лермантовъ (1814—1841 г.)
 105. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (1799 — 1837 г.)
 106. Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій (1810— 1857 г.)
 107. Михаилъ Васильевичъ Глинка (1804—1857 г.)
 108. Карлъ Павловичъ Брюлловъ (1799—1852 г.)
 109. Дмитрій Степановъ Бортнянскій (1752—1826 г.)
-

